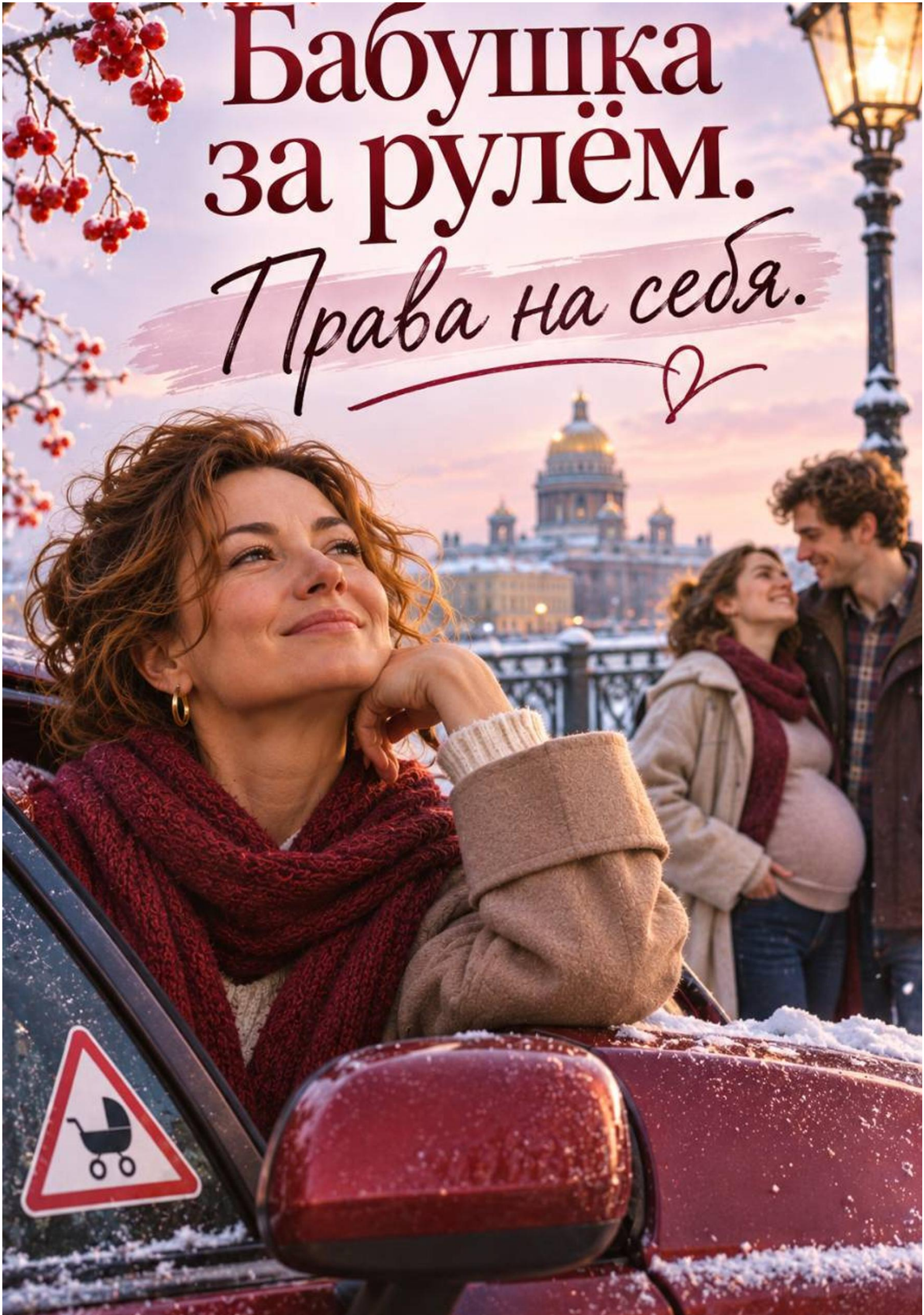

Бабушка
за рулём.
Права на себя.

Милана Панова

Бабушка за рулем. Права на себя

«Автор»
2026

Панова М.

Бабушка за рулем. Права на себя / М. Панова — «Автор», 2026

Вере сорок восемь. Два года назад муж ушёл от неё за ужином. С тех пор у неё появились права, своя машина, новая работа и мужчина, который никогда не говорит «хорошо». А ещё — дочь-студентка, которая привозит домой жениха-монтажника и новость: через полгода Вера станет бабушкой. Вера делает то, что умеет: считает. Таблица на восемь листов — как дочери жить, учиться и растить ребёнка. Таблица, после которой дочь перестаёт с ней разговаривать. Впереди — громкая сватья из Череповца, свадьба бывшей свекрови, курсы рисования и ночная дорога в Петербург сквозь метель. И главный урок: иногда, чтобы доехать, надо отдать руль. Тёплая, смешная и честная история о том, что быть рядом и сидеть справа — не одно и то же. Можно читать отд

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не одна 6
Глава 2. Сватья 11
Глава 3. Проект 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Милана Панова
Бабушка за рулем. Права на себя

Бабушка за рулём
Права на себя. Книга третья
Роман

Глава 1. Не одна

Машина, на которой Даша приехала в Тутаев, была старой «Ладой Приорой» цвета мокрого асфальта, с московскими номерами, вмятиной на заднем крыле и наклейкой на стекле «Не уверен — не обгоняй. Уверен — тоже подумай». Вера увидела её с маминого крыльца, когда та медленно, будто нехотя, свернула с улицы к калитке и остановилась у Клавдии Егоровны под тополем.

Было седьмое августа, суббота, половина второго. Над Волгой висела жара, от которой даже куры за сеткой лежали в пыли, раскинув крылья. Барон спал под пандусом в тени. Мама сидела в плетёном кресле с карандашом и папкой на коленях и делала вид, что рисует тополь, а на самом деле уже полчаса смотрела на дорогу.

— Приехали, — сказала мама. — Ну, иди. Встречай.

Вера не двинулась с места.

Полтора месяца она жила с одной фразой в голове. «Мам, ты только не падай. Я приеду не одна». Даша сказала это в июне по телефону, торопливо, звонко, со смехом, и тут же отключилась, и больше на эту тему не говорила ни разу, сколько Вера ни спрашивала. «Приеду — расскажу. Мам, ну правда, это не телефонный разговор». За полтора месяца Вера перебрала в голове все возможные варианты. Даша бросила университет. Даша влюбилась в преподавателя, сорокалетнего, женатого. Даша уходит в монастырь. Даша уезжает волонтёром в Африку. Даша завела собаку размером с телёнка и везёт её жить к бабушке.

Один вариант Вера старательно не додумывала. Отодвигала его, как отодвигают на дальний край стола горячую сковородку.

Из «Приоры» вылезла Даша — загорелая, похудевшая, с отросшими волосами, собранными в небрежный пучок, в длинном льняном сарафане, которого Вера на ней раньше не видела. Помахала рукой. Улыбнулась — широко, но как-то неуверенно, одними губами.

С водительского места вылез парень.

Высокий, плечистый, коротко стриженный, в серой футболке и рабочих штанах с карманами на коленях. Он обошёл машину, открыл багажник, достал две сумки и пакет, из которого торчали какие-то коробки, перевязанные ленточкой. Потом выпрямился и посмотрел на крыльцо. Вера увидела его лицо: широкие скулы, светлые брови, серьёзные глаза. Лет двадцать два. Не больше.

— Ну вот, — тихо сказала мама за её спиной. — Пандус пригодился.

* * *

— Мам, это Егор, — сказала Даша, поднявшись по пандусу. — Егор, это мама. Вера Павловна. А это бабушка, Антонина Сергеевна.

— Здравствуйте, — сказал Егор. Голос у него был низкий, чуть хриплый, с северным, окающим выговором. — Очень приятно. Я вам тут… Даша сказала, вы шоколад любите, Антонина Сергеевна. Горький. Я в Череповце брал, у нас там фабрика своя, маленькая.

Он протянул маме коробку с ленточкой. Мама взяла, посмотрела на коробку, потом снизу вверх на Егора. Долго.

— Череповецкий, значит, — сказала она.

— Череповецкий.

— На металлургическом?

— Мама там на комбинате в столовой работает. Поваром. А я в Питере. Монтажник. Вентиляцию ставлю. И учусь на заочном, в политехе. Третий курс.

— Монтажник, — повторила мама. Помолчала. — Руки, значит, работают.

— Работают.

— Это хорошо, — сказала мама и вдруг улыбнулась. — Садись, монтажник. Чай будешь? С травой? У меня зверобой свой, с огорода.

Вера стояла у перил и смотрела, как мама разговаривает с незнакомым парнем, как Егор садится на скамейку из лиственницы, складывая длинные ноги, как Даша стоит рядом, держась за поручень, и смотрит то на маму, то на Егора, то на неё, на Веру. И ей казалось, что всё это происходит с кем-то другим. В кино. В сериале, который мама смотрит по вечерам на телефоне.

— Мам, — сказала Даша. — Можно тебя на минутку?

* * *

Они пошли в сад. Мимо курятника, мимо грядок с огурцами, которые Клавдия Егоровна полола вместо мамы и ругалась, что огурцы в этом году «как резиновые», мимо старой яблони, к самой ограде над обрывом, откуда была видна Волга. Даша шла впереди. Вера смотрела ей в спину и вдруг увидела то, чего не замечала полчаса. Даша шла немного иначе. Осторожнее. Сарафан был свободный, длинный, а Даша, которая с девятого класса носила только узкие джинсы и короткие топы, никогда в жизни не надевала свободного.

Вера остановилась на тропинке. Горячая сковородка сама съехала с дальнего края стола и оказалась прямо перед ней.

Даша обернулась. Посмотрела маме в лицо. И всё поняла.

— Ты догадалась, — сказала она.

— Сколько? — спросила Вера.

Голос был чужой. Ровный, деловой, бухгалтерский — тот, каким она спрашивала у Олега про остаток на счёте. Она услышала его и ужаснулась, но остановиться уже не могла.

— Одиннадцать недель, — сказала Даша. — Почти двенадцать. Срок — в середине февраля.

— Ты уверена?

— Мам. Я была у врача. Три раза. Я видела на УЗИ. Там… — Голос у Даши дрогнул. — Там сердце бьётся. Я слышала. Как будто кто-то очень быстро бежит. Далеко-далеко.

Вера молчала. Ниже, под обрывом, по Волге шла баржа с песком, медленная, тяжёлая, и над ней кричали чайки.

— Ты на втором курсе, — сказала Вера. — Тебе девятнадцать.

— Я знаю, сколько мне лет.

— Даша, ты бюджетница. На урбанистике. Ты туда с восемьюдесятью шестью баллами по профилю поступила. Ты хотела города строить. Ты мне в июле на кухне говорила: мам, я хочу, чтобы старушкам с сумками не надо было бежать через шоссе.

— Я и сейчас хочу.

— С ребёнком? В общежитии? На втором курсе?

— Мам…

— А он? — Вера кивнула в сторону дома, откуда доносились голоса: мама что-то спрашивала, Егор что-то отвечал, и мама смеялась. — Монтажник. Заочник. Ему сколько?

— Двадцать два.

— На что вы будете жить? Где? Кто с ребёнком будет сидеть, пока ты на парах? Ты понимаешь, что такое — младенец? Ты ночами спать не будешь год. Ты знаешь, сколько стоит коляска? Подгузники? Ты знаешь…

Вера остановилась. Она услышала себя. Колонки. Строки. Доходы, расходы, остатки. Она стояла в саду своей матери, над Волгой, перед своей девятнадцатилетней дочерью, которая только что сказала ей, что где-то далеко-далеко очень быстро бежит маленькое сердце, — и составляла смету.

Даша смотрела на неё. Глаза у неё были мокрые, но она не плакала. Только губы сжала, совсем как бабушка.

— Я так и знала, — сказала Даша тихо. — Я Егору говорила: она сначала начнёт считать. Он не верил. Он говорит — у тебя мама классная, она права в сорок шесть получила, она всё поймёт. А я говорю — она сначала посчитает. А потом поймёт. Может быть.

* * *

Вера сидела на скамейке у яблони. Одна. Даша ушла в дом. Сказала: «Мам, побудь одна. Тебе надо». И ушла. Как взрослая.

Над головой висели яблоки — антоновка, ещё зелёная, твёрдая, августовская. На ветке сидела трясогузка и дёргала хвостом.

Вера думала о том, что ей сорок семь лет, а через месяц будет сорок восемь. Что она финансовый директор сети стоматологических клиник. Что с сентября по вторникам и четвергам у неё курсы академического рисунка в художественном училище — она оплатила их в июне, сорок две тысячи, и никому не сказала, кроме мамы. Что у неё есть Андрей, с которым у них «два дома, одна дорога». Что она только-только, впервые за всю жизнь, начала жить для себя.

Два года назад всё было по-другому. Двадцать шесть лет она была Верой Ковалёвой, бухгалтером управляющей компании и женой Олега, который возил её на всех своих машинах и говорил, что баба за рулём — обезьяна с гранатой. Потом однажды вечером, за котлетами, Олег сказал, что уходит к администраторше фитнес-клуба. Котлеты Вера выбросила в мусорное ведро. А через месяц в сорок шесть лет пошла в автошколу — самой старшей в группе среди девятнадцатилетних. Её инструктором оказался Андрей Николаевич Ветров, бывший водитель скорой, ворчливый, курящий, никогда не говоривший ученикам «хорошо». Права Вера получила со второго раза. Вернула девичью фамилию — Лебедева. Купила подержанную серебристую «Солярис». Ушла на новую работу. А прошлой зимой, когда мама сломала шейку бедра на льду у курятника, выхаживала её полгода — и узнала, что мама в юности поступила на архитектурный в Ленинграде и бросила его через полгода, взяв академический отпуск, из которого так и не вернулась.

И что через полгода она станет бабушкой.

Бабушкой. В сорок восемь. Слово было как чужое пальто, которое тебе протягивают в гардеробе: не твоё, не твой размер, не твой цвет. Бабушки — это мама. Это Галина Петровна, бывшая свекровь, учительница русского языка на пенсии. Это Клавдия Егоровна в платке. А Вера только что купила себе первые в жизни джинсы с высокой талией, по совету консультантки в торговом центре, которая сказала: «Вам очень идёт, у вас фигура как у тридцатилетней».

Сзади скрипнула калитка в огород. Вера обернулась.

По тропинке, переставляя ходунки, шла мама. Медленно, осторожно обходя кочки и корни. Без пледа, без палки, в старом ситцевом халате и соломенной шляпе. Вера вскочила.

— Мам, тебе нельзя по огороду! Там неровно!

— Мне много чего нельзя, — сказала мама. — Сядь.

Вера села. Мама дошла до скамейки, развернулась, тяжело опустилась рядом. Отдышалась. Поставила ходунки перед собой.

— Ну? — сказала она. — Посчитала?

Вера ничего не ответила.

— Я тоже посчитала, — сказала мама. — Когда ты родилась. Восьмидесятый год. Отец твой на заводе — сто сорок рублей. Я на складе — девяносто. Славке три года. Комната в коммуналке, двенадцать метров, на Пятёрке. Ванна одна на шесть семей. Пелёнки кипятила в баке на газу. Ты орала по ночам так, что соседка с первого этажа в стену стучала шваброй. — Мама помолчала. — Посчитала я тогда и поняла, что не выходит. Никак не выходит. Ни по каким цифрам.

— И что?

— И ничего, — сказала мама. — Вышло. Не по цифрам. По-другому как-то.

Она сняла шляпу, положила на колени. Седые волосы были мокрые от пота, прилипли ко лбу.

— Монтажник этот, — сказала она. — Егор. Знаешь, что он мне сейчас сказал? Я его спрашиваю: ты, говорю, её любишь? А он мне: Антонина Сергеевна, я не знаю, как это правильно сказать. Я, говорит, когда у неё на УЗИ был и сердце это услышал, — вышел в коридор и стоял полчаса. Не мог в кабинет вернуться. Потому что, говорит, у меня отца никогда не было. Мама меня одна растила. И я тогда в коридоре подумал: у этого — будет. Вот хоть убейся — будет.

Вера молчала. Трясогузка спорхнула с ветки и улетела в сторону Волги.

— А ещё, — продолжала мама, — он мне сказал, что у него уже всё посчитано. Комнату они снимают с сентября, на Гражданке, у бабушки одной, двенадцать метров, недорого. Он с работы не уходит, наоборот — бригадиром ставят, со следующего месяца. Даша академку брать не хочет, хочет на индивидуальный план. Ясли там при университете есть. Он мне всё по пунктам рассказал. Как ты. Только без таблицы.

— Мам, — сказала Вера. — Ты ведь тоже академку брала. В семьдесят первом. И не вернулась.

Мама повернулась к ней. Посмотрела долго, внимательно, как будто увидела дочь впервые.

— Вот ты чего боишься, — сказала она.

— Я боюсь, что она всё бросит. Как ты. Как я. Как Славка. Что у нас это… семейное. Что мы все строим не то, что хотели.

Мама надела шляпу обратно. Взялась за ходунки. Начала подниматься — медленно, с усилием, отказавшись от Вериной руки.

— Я академку брала не из-за ребёнка, — сказала она, встав. — Из-за того, что за меня мать решила. И бабушка. И все соседки по Романову. «Тоня, кто ж за матерью смотреть будет, если не ты». А Дашу никто не заставляет. Она сама решает. Это разное, Вер. Ты-то уж должна понимать. Ты сорок шесть лет справа просидела.

Она развернула ходунки к дому.

— Иди к ним, — сказала мама. — Они там на крыльце сидят, за руки держатся и боятся. Им девятнадцать и двадцать два. Ты им сейчас нужнее, чем твоя таблица.

* * *

Даша и Егор сидели на ступеньках пандуса. Рядом, между ними, лежал Барон, растянувшись на тёплом дереве, и Егор чесал его за порванным ухом. Барон позволял. Вера остановилась у курятника и смотрела на это.

Барон. Злой, старый, рыжий Барон, который за шестнадцать лет никого, кроме мамы, к себе не подпускал, лежал под рукой незнакомого череповецкого монтажника и урчал, как старый трактор.

Вера подошла к крыльцу. Даша подняла голову. Егор встал — сразу, рывком, как встают перед учителем. Вытер ладони о штаны.

— Вера Павловна, — начал он. — Я хотел сказать… Я понимаю, что вы…

— Сядь, Егор, — сказала Вера.

Он сел. Вера постояла. Потом опустилась на ступеньку рядом с Дашей. Ступенька была тёплая, пахла смолой.

Они сидели втроём и молчали. Над Волгой гудел теплоход. У Клавдии Егоровны за забором лаяла собака. В доме, через открытое окно, мама гремела чайником.

— Даш, — сказала Вера наконец. — А там… на УЗИ. Можно посмотреть? У тебя есть фотография?

Даша посмотрела на неё. Потом полезла в карман сарафана, достала телефон, долго листала. Протянула.

На экране было серое, зернистое, непонятное пятно. Как туманность в космосе. Как снимок облака, сделанный в темноте. Вера смотрела на него и ничего не понимала.

— Вот, — Даша показала пальцем. — Вот голова. Вот это — ручка. Видишь? Она как будто машет.

Вера пригляделась. Пятно. Туман. И вдруг — да. Голова. Изгиб. Крошечная, с булавочную головку, ручка, поднятая вверх.

Как будто машет.

Вера смотрела на эту ручку, и у неё вдруг защипало в носу так сильно, что она отвернулась к курятнику и сделала вид, что смотрит на кур.

— Привет, — сказала она шёпотом, не к Даше, не к Егору. К экрану. — Привет, маленький.

Даша уткнулась ей в плечо. Егор деликатно смотрел на Волгу и чесал Барона.

Из окна высунулась мама.

— Чай готов! — крикнула она. — С зверобоем! И шоколад этот череповецкий открывайте. Посмотрим, какой у них там горький. У нас на шинном в восьмидесятые бабаевский давали — вот это был шоколад.

Глава 2. Сватья

Олегу Вера позвонила в воскресенье вечером, когда Даша с Егором уехали из Тутаева в Ярославль ночевать к ней, а сама она осталась ещё на час у мамы — помыть посуду, накормить кур, закрыть парник. Она набрала номер, стоя у курятника, и долго слушала гудки. Бывший муж ответил на шестом.

— Вер? Что-то с Антониной Сергеевной?

— С мамой всё хорошо. Олег, мне надо тебе сказать. Про Дашу.

Пауза.

— Про ребёнка? — спросил Олег.

Вера опустила руку с телефоном. Подняла снова.

— Ты знаешь?

— Она мне в июне сказала, — виновато проговорил Олег. — Позвонила. Сказала: пап, ты только маме пока не говори, я ей сама, когда приеду. Я и не говорил. Она просила.

В июне. Через два дня после того, как Даша позвонила Вере на мамино крыльцо и сказала «я приеду не одна, ты только не падай». Значит, отцу — сразу, по телефону. А матери — полтора месяца загадок.

— Почему тебе? — вырвалось у Веры. — Почему ей тебе было проще?

Олег долго молчал. Вера слышала в трубке шум — какой-то цех, лязг, голоса. Олег работал на моторном заводе мастером, с весны, и брал вечерние смены.

— Потому что я ей ничего не мог сказать, — ответил он наконец. — Я после всего, что было… я ей не судья. Она знала, что я не начну. А ты бы начала.

— Что начала?

— Считать, — сказал Олег. — Ты бы начала считать, Вер. Ты всегда считаешь. Это не плохо. Это ты так любишь. Но она испугалась.

Вера стояла у курятника. Куры возились в соломе, устраиваясь на ночь. Над Волгой садилось солнце, и у неё было ощущение, что за двое суток её уже второй раз поймали на одном и том же — и оба раза люди, от которых она этого меньше всего ждала. Сначала дочь. Теперь бывший муж.

— Олег, — сказала она. — Ты будешь дедом.

— Буду, — сказал Олег. И Вера услышала, что он улыбается. — Дед Олег. Представляешь? Мама моя как узнала — неделю ходила с таким лицом, как будто её в гороно наградили. Она прабабушка теперь будет. Говорит: доживу. Обязательно доживу. Она уже пинетки вяжет, Вер. Три пары. Голубые, розовые и жёлтые, на всякий случай.

* * *

Мать Егора приехала в Ярославль в четверг, двенадцатого августа, на рейсовом автобусе «Череповец — Ярославль», в половине одиннадцатого утра. Вера взяла на работе отгул — третий за лето, Гольдин подписал заявление, не поднимая головы, и спросил только: «Что-то с мамой?» — «С дочерью». — «Ох. Серьёзное?» — «Внук», — сказала Вера. Гольдин поднял голову. Посмотрел на неё поверх очков. Снял очки. Сказал: «Мазл тов, Вера Павловна. В смысле — поздравляю. Это у нас так говорят». Потом добавил: «Бабушка в сорок восемь. Моя мама в сорок три стала. Ничего. Жила до девяноста двух».

Встречать сватью Вера поехала одна. Даша с Егором ещё спали, Андрей был на площадке со своей группой. Вера стояла на автовокзале у шестой платформы, между киоском с шаурмой и тележкой с мороженым, и думала, что не знает, как выглядит женщина, которую ей предстоит встретить. Даша показывала одну фотографию — смазанную, на фоне новогодней ёлки, в каком-то красном колпаке. «Мама Егора. Лариса Николаевна. Она классная, мам. Только громкая».

Громкую Вера узнала сразу.

Лариса Николаевна вышла из автобуса последней — потому что помогала выйти пожилому мужчине с палочкой и двумя сумками, — и Вера сначала услышала её, а потом увидела. «Дедушка, аккуратнее, тут ступенька! Давайте я ваш баул! Да не тяжело мне, я на комбинате кастрюли по сорок литров таскаю!» Потом она поставила баул у ног мужчины, выпрямилась и огляделась.

Ей было сорок четыре. Она была невысокая, крепкая, в джинсах и белой футболке, с короткими выбеленными волосами, торчащими задорным ёжиком. На загорелом запястье — татуировка: маленькая синяя ласточка. В одной руке — дорожная сумка, в другой — огромный пакет, из которого пахло так, что продавец шаурмы у киоска повёл носом.

Она увидела Веру. Безошибочно, сразу, в толпе. Пошла к ней, широко улыбаясь.

— Вера Павловна? Это вы? — сказала она. — Ой, а вы на Дашку как похожи! Только Дашка курносенькая, а вы нет. Лариса. Можно просто Лариса. Я вам пирогов привезла. С рыбой, с капустой, с яблоками. И ватрушки. Я пеку, когда нервничаю. А я с понедельника нервничаю, так что тут их… — она приподняла пакет, — тут их до Нового года хватит.

Вера протянула руку. Лариса поставила пакет, проигнорировала руку и обняла её. Крепко, коротко. От неё пахло ванилью, дорогой и почему-то хлоркой.

— Ну что, — сказала Лариса, отстраняясь. — Бабушки, значит. Обе. Поздравляю нас.

* * *

Дома Лариса за полчаса сделала то, что у Веры за двадцать лет не получалось сделать с собственной кухней.

Она выложила пироги на все свободные поверхности. Нашла в шкафу большое блюдо, о котором Вера сама забыла. Сварила кофе в турке — Вера не знала, что у неё есть турка. Разбудила Дашу с Егором, причём Егора — шлепком полотенца по плечу: «Подъём, бригадир! Мать с автобуса, а он дрыхнет!» Похвалила Верины шторы, Верин холодильник, Верин вид из окна на кривую берёзу. Спросила, почему у Веры столько книг по бухгалтерии и ни одной кулинарной. Не дождалась ответа. Рассказала, что у них на комбинате в столовой кормят четыре тысячи человек в смену и что она там тридцать лет, с четырнадцати, сначала посудомойкой, потом подсобницей, потом поваром третьего разряда, потом шестого.

— С четырнадцати? — спросила Вера.

— С четырнадцати, — кивнула Лариса, наливая кофе. — Мать пила. Отца не было. Надо было как-то. Я в восьмом классе после уроков на комбинат бегала, кастрюли драила. Потом колледж, вечерний. Потом Егор.

Она сказала это так же легко, как про пироги. Без жалобы. Без нажима. Даша и Егор сидели за столом, ели ватрушки, и было видно, что они эту историю слышали.

— Вера Павловна, — сказала Лариса, садясь напротив. — Давайте сразу. Чтобы не ходить вокруг да около, как кошки вокруг кастрюли. Вы, наверное, думаете: вот, сын поварихи, монтажник, без высшего, нашу девочку… Да?

Вера открыла рот.

— Мам! — сказал Егор.

— Чего «мам»? Я спрашиваю. Я ж вижу. Вы так на него в первый день посмотрели, Дашка рассказывала. Как будто он вам счёт за свет принёс неправильный.

Даша спрятала лицо в ладонях. Вера почувствовала, как у неё краснеют уши.

Она хотела сказать: нет. Конечно нет. Как вы могли подумать. Так сказала бы вежливая, воспитанная женщина. Финансовый директор. Вера Павловна.

— Да, — сказала Вера. — Я так подумала. В первые пять минут.

Лариса прищурилась. Помолчала. Потом расхохоталась — громко, на всю кухню, так, что Барон, лежавший на подоконнике, — его временно привезли из Тутаева, пока мама ездила на неделю в санаторий по путёвке от соцзащиты, — вскочил и ушёл в коридор.

— Ну слава богу, — сказала Лариса, вытирая глаза. — Честная. А я-то думала, будет мне тут интеллигенция с поджатыми губами. — Она перегнулась через стол и хлопнула Веру по руке. — Я тоже так подумала, когда Егор мне её фотографию показал. Знаете, что я подумала? Я подумала: ну всё. Студентка. Питерская, из умных. Урбанистика какая-то — я даже слова такого не знала, в интернете смотрела. Мамка у неё, наверное, в банке, папка — начальник. Будет мой Егорка у них на кухне сидеть, как я в своё время — у Витьки. Отца его. У Витькиных родителей. Тише воды ниже травы. Пока не скажут: «Лариса, ты нам не пара».

Она замолчала. На кухне стало тихо. Даша опустила руки.

— Вам так сказали? — спросила Вера.

— Мне так сказали, — кивнула Лариса. — Когда я беременная была. Витька студентом был, в Вологде, на инженера учился. Родители — врачи. Я к ним пришла, с животом уже, на пятом месяце. Его мама мне сказала: «Лариса, вы хорошая девушка, но вы ему не пара». И Витька промолчал. Сидел и молчал. Вот так.

Егор смотрел в стол. Даша взяла его за руку под столом. Вера видела.

— Я тогда ушла, — продолжала Лариса. — И больше к ним не приходила. Родила. Сама. Двадцать два года. Колледж бросила — там кондитерское было, я в Питер хотела, на кондитера, торты делать. Не вышло. Пошла обратно на комбинат. И знаете что, Вера Павловна?

— Что?

— Ни о чём не жалею, — сказала Лариса. — Вот ни о чём. Потому что вон он сидит. — Она кивнула на сына. — Бригадир. Два метра. Бабушке вашей шоколад купил, я ему не подсказывала. Сам.

* * *

Андрей пришёл к обеду. Вера предупредила его утром, коротко: «Приехала мама Егора. Будь готов». Андрей ответил: «К чему?» Вера ответила: «Ко всему».

Лариса оглядела его с порога с ног до головы, совершенно откровенно, как оценивают мясо на рынке.

— А это кто у нас? — спросила она.

— Андрей, — сказал Андрей.

— Мужчина Веры Павловны, — объяснила Даша. — Дед-инструктор.

— Дед? — Лариса подняла брови. — Какой же он дед. Он мужчина в самом соку. — И подмигнула Вере. — Вера Павловна, вы где таких берёте? У нас в Череповце таких нет. У нас все или пьют, или на диване, или женаты.

Андрей невозмутимо снял ботинки.

— В автошколе, — сказал он. — Тридцать восемь тысяч, рассрочка на четыре месяца.

Лариса посмотрела на него. Потом на Веру. Потом снова на него. И опять засмеялась — так, что у неё выступили слёзы.

— Так вы её учили? — спросила она, отсмеявшись. — Вот прям за рулём учили? Ой, не могу. А меня научите? Мне сорок четыре, я на права уже три раза собиралась. Все говорят: Лариска, куда тебе, ты на светофоре заболтаешься.

— Научу, — сказал Андрей. — Если не заболтаешься.

— Ой, это я не обещаю.

Вера стояла у плиты и смотрела, как Лариса накладывает Андрею пирог с рыбой — самый большой кусок, — как Андрей благодарит, как они вдвоём начинают говорить о Череповце, о металлургическом комбинате, о том, что Андрей там был в восемьдесят девятом году в армии, в учебке, и помнит столовую. Лариса всплёскивала руками: «Да вы что! Это ж наша! Там сейчас всё по-другому, линии раздачи новые!»

И вдруг Вера с ужасом поняла, что ревнует. Ревнует к этой громкой, смешливой, загорелой женщине с ласточкой на запястье, которая за пять минут смогла рассмешить Андрея так,

как Вера не могла за год. Андрей смеялся редко — коротко, уголком рта. А сейчас он сидел и смеялся в голос.

Вера отвернулась к плите. Помешала суп, который не нужно было мешать.

* * *

Вечером Даша с Егором ушли гулять на набережную. Андрей уехал в Норское — кормить Лоцмана, рыжую дворнягу, которая прибилась к нему в июне и теперь спала на ватном одеяле на его веранде. Лариса осталась ночевать у Веры: автобус обратно был только утром.

Они сидели на кухне вдвоём. Пили вино — Лариса привезла бутылку домашнего, вишнёвого, «от соседки, она сама ставит, крепкое, как характер у моей свекрови, которая так и не стала свекровью». Пироги заканчивались. За окном темнело. На подоконнике снова лежал Барон: вернулся, решив, видимо, что опасность миновала.

— Вера, — сказала Лариса, когда бутылка опустела наполовину. Она давно перестала называть её по отчеству. — Можно я тебе скажу?

— Скажи.

— Ты на меня сегодня злилась. За Андрея твоего. Не отпирайся, я видела. Ты три раза суп помешала, который уже давно сварился.

Вера покраснела. Опять. Сорок семь лет — и опять краснеет, как в восьмом классе.

— Я не злилась.

— Злилась, — спокойно сказала Лариса. — И правильно. Я бы тоже злилась. Но ты не бойся. Я на чужое не смотрю. Мне своё некуда девать. — Она повертела бокал. — Я просто громкая. Всю жизнь громкая. На комбинате по-другому нельзя, там вытяжка гудит, иначе не услышат. А с мужиками я смеюсь, потому что… — Она замолчала.

— Почему?

— Потому что больше мне с ними делать нечего, — сказала Лариса. — Двадцать два года одна. Ну, был там один, на пару лет, сварщик. Пил. Выгнала. И всё. Смеюсь, а домой иду одна. Привыкла.

Вера посмотрела на неё. На выбеленный ёжик. На ласточку на запястье. На морщинки у глаз — от смеха, от вытяжки, от кастрюль.

— Почему ласточка? — спросила она.

Лариса посмотрела на своё запястье. Погладила татуировку большим пальцем.

— В двадцать лет сделала, — сказала она. — Перед тем, как в Питер ехать. На кондитерский. Думала — улечу. Ласточки же улетают. А потом Егор. И я осталась. А ласточка — вот она. Сидит. Не улетела. Двадцать четыре года сидит.

Она допила вино.

— Вер, — сказала она. — Я тебе одно скажу, и спать пойду. Дашку твою я люблю уже. Правда. Она мне в июне позвонила — сама, Егор не просил. Сказала: Лариса Николаевна, я беременна, я вам хочу сказать, чтобы вы от меня узнали, а не от кого-то. И я поняла — хорошая девка. Настоящая. Я её в обиду не дам. И Егора не дам. И если они ребёнка вдвоём не потянут — значит, мы с тобой вдвоём потянем. Две бабки. Ты — деньгами и головой, я — пирогами и руками. Справимся.

Вера молчала. Потом встала, достала из шкафа вторую бутылку — обычную, магазинную, красную, которую держала для гостей. Поставила на стол.

— Дашка тебе позвонила в июне? — спросила она. — Сама?

— Сама.

— Мне — нет, — сказала Вера. — Мне она загадками. Полтора месяца. Олегу — в июне. Тебе — в июне. А мне — «ты только не падай».

Лариса посмотрела на неё внимательно. Потом протянула руку через стол и накрыла её ладонь своей — горячей, шершавой, с маленьким шрамом от ожога на большом пальце.

— Вер, — сказала она тихо. — Так ведь это потому, что ты для неё главная. Нам с Олегом сказать — не страшно. Мы что? Мы со стороны. А тебе — страшно. Потому что твоё слово — оно для неё самое тяжёлое. Понимаешь? Ты её мама.

* * *

Утром Вера отвезла Ларису на автовокзал. Перед автобусом Лариса долго обнимала Дашу, потом Егора — шлёпнула его по затылку и сказала: «Береги её, бригадир», — потом повернулась к Вере.

— Приезжай в Череповец, — сказала она. — Я тебе такие пельмени сделаю — Андрея своего забудешь.

— Не забуду, — сказала Вера.

— Ну и правильно, — засмеялась Лариса. — Такого не забывают. — Она залезла на подножку автобуса, обернулась. — Сватья!

— Что?

— Мы с тобой теперь сватьи. Слово какое, а? Как из сказки. Сватья баба Бабариха.

— Это из «Сказки о царе Салтане», — сказала Вера. — Там сватья злая была.

— А мы будем добрые, — сказала Лариса. — Назло Пушкину.

Двери закрылись. Автобус тронулся. Лариса махала в окно, пока он не скрылся за поворотом на Московский проспект, и ласточка на её запястье мелькала в стекле, как маленький синий флажок.

Глава 3. Проект

Вера сделала таблицу в ночь на двадцатое августа.

Она не собиралась. Правда не собиралась. После разговора с мамой у яблони, после вечера с Ларисой и вишнёвым вином, после фотографии с крошечной поднятой ручкой она честно сказала себе: не лезь. Не считай. Пусть сами. Ей сорок семь лет, у неё права, курсы рисования и мужчина, который никогда её не возит. Она знает, каково это — когда за тебя решают.

А потом в два часа ночи она сидела на кухне и не могла уснуть. Даша с Егором спали в Дашиной комнате. Барон храпел на подоконнике. И Вера открыла ноутбук — просто посмотреть. Просто прикинуть. Цены на коляски. Подгузники в Петербурге. Ясли при университете — сколько там мест, какая очередь. Аренда комнаты на Гражданке. Зарплата бригадира монтажников.

К четырём утра у неё был файл. Восемь листов. «Бюджет», «Расходы на ребёнка по месяцам», «Учёба — варианты», «Жильё», «Медицина», «Помощь семьи», «Риски», «Итог».

На листе «Учёба — варианты» было три сценария.

Сценарий А: Даша берёт академический отпуск на год. Потом возвращается. Вера подчеркнула красным: «Риск невозвращения — высокий. См. бабушку».

Сценарий Б: Даша продолжает учёбу по индивидуальному плану, ребёнок с ней в Петербурге, в яслях с полутора лет, до полутора — Егор и няня. Красным: «Нагрузка критическая. Риск срыва — высокий. Деньги на няню — нет».

Сценарий В. Вера смотрела на него долго, прежде чем дописать. Потом дописала.

Сценарий В: первый год ребёнок живёт в Ярославле, у Веры. Даша учится очно, приезжает на выходные и каникулы. Вера переходит на четырёхдневку — Гольдин согласится, он ей должен за Рыбинск. Людмила Ивановна, бывшая медсестра, которая весной выхаживала маму после перелома, — помогает днём. Мама в Тутаеве — рядом. Андрей — рядом. Через год, когда Даша закончит третий курс, — забирает.

Зелёным Вера написала: «Оптимальный. Риски минимальны. Даша получает диплом».

Она закрыла ноутбук в половине пятого. Посидела. Посмотрела на берёзу за окном — в сумерках она казалась чёрной, корявой, как трещина на стекле. Подумала: может, не надо. Может, удалить.

Не удалила.

* * *

Показала она таблицу через три дня, в воскресенье, двадцать второго, за обедом. Даша с Егором уезжали в Петербург в среду. Медлить было нельзя — так она себе сказала.

Даша посмотрела на экран ноутбука. Пролистала первый лист. Второй. Третий. Остановилась на «Учёбе». Прочитала. Медленно подняла голову.

— Мам. Это что?

— Это варианты, Даш. Просто варианты. Чтобы вы видели картину целиком. Мне кажется, вариант В — самый разумный. Вы оба работаете и учитесь, а малыш здесь, со мной, в тепле, под присмотром. Я уже узнавала, у нас рядом прекрасная детская поликлиника, педиатр…

— Ты узнавала, — повторила Даша.

— Ну да. И Гольдину я пока не говорила, но я думаю, он пойдёт навстречу, он сам говорил, что у него мама в сорок три…

— Мам. — Даша закрыла ноутбук. Аккуратно, двумя руками, как закрывают крышку гроба. — Ты хочешь забрать моего ребёнка.

— Что? Нет! Даша, я хочу помочь!

— Ты хочешь его забрать. На год. Чтобы я «получила диплом». — Голос у Даши был очень тихий и очень ровный, и это было хуже, чем если бы она кричала. — А потом я приеду и заберу. Да? Годовалого. Который меня видел по выходным. Который тебя будет мамой звать.

— Даша, это не так…

— Это так! — Даша встала. Стул скрежетнул по полу. — Ты расписала мою жизнь. На восемь листов. С рисками. С красным и зелёным. Как будто я — твоя клиника в Рыбинске. Как будто я там импланты ворую. «Риск невозвращения — высокий. См. бабушку». — Она почти выкрикнула последние слова. — Ты меня бабушкой меришь? Я — не бабушка! Я — не ты! Я не буду двадцать шесть лет сидеть справа и молчать!

Егор поднялся тоже. Положил ей руку на плечо.

— Даш…

— Не трогай меня, Егор. — Даша сбросила его руку. Посмотрела на Веру. Губы дрожали, глаза были сухие. — Мам. Ты год назад папе сказала, я слышала, бабушка мне рассказывала: «Ты опять собираешься меня возить. Даже когда я буду за рулём». Помнишь?

Вера помнила. Хризантемы на столе. Остывший чай с лимоном. Олег в мешковатой куртке.

— Вот, — сказала Даша. — Ты сейчас то же самое делаешь. Ты сидишь у меня справа и хватаешься за руль.

Она развернулась и ушла в свою комнату. Не хлопнула дверью — закрыла тихо. И это тоже было хуже.

Егор постоял посреди кухни. Огромный, растерянный, в рабочей футболке. Посмотрел на закрытую дверь. Потом на Веру.

— Вера Павловна, — сказал он. — Вы не обижайтесь. Она не со зла. Она просто… она всё лето боялась. Что вы скажете. Вы для неё — как… — Он поискал слово. — Как главный инженер. Если главный инженер проект завернул — всё, переделывай. Она очень хотела, чтобы вы одобрили. Наш проект. А вы свой принесли.

Он ушёл за Дашей.

Вера сидела одна на кухне перед закрытым ноутбуком. На столе остывал борщ, который она варила с утра. На подоконнике Барон смотрел на неё жёлтыми глазами, и ей показалось — с презрением. Хотя, может, он всегда так смотрел.

* * *

Даша с Егором уехали на день раньше, во вторник утром. Даша сказала: «Нам надо комнату принять, хозяйка просит». Может, это была правда. Вера помогла снести сумки к «Приоре», постояла у машины. Даша обняла её — быстро, на прощание, как обнимают дальних родственников на вокзале.

— Пока, мам.

— Даш. Прости меня.

Даша посмотрела на неё. Хотела что-то сказать. Не сказала. Села на пассажирское сиденье, пристегнулась. Егор завёл мотор, помахал Вере в окно — виновато, по-доброму. «Приора» выехала со двора, мимо кривой берёзы, мимо гаражей, и свернула на улицу.

Вера стояла у подъезда, пока не перестала слышать звук мотора.

* * *

Вечером она поехала в Норское.

Андрей сидел на крыльце, курил. Рядом на ватном одеяле лежала Лоцман — рыжая, худая, с белым пятном на груди. Увидев Веру, собака подняла голову, постучала хвостом по доскам и снова легла. Она ещё не до конца верила, что её здесь не прогонят, и вставала навстречу только Андрею.

Вера села рядом на ступеньку. Андрей ничего не спросил. Протянул ей кружку с остывшим чаем — свою, большую, синюю, с отбитой ручкой. Она отпила.

Над Волгой стоял августовский вечер — длинный, тёплый, с розовыми облаками и комарами. На том берегу, в Тверицах, светились окна. По реке шёл буксир с баржей и тихо гудел.

— Я сделала таблицу, — сказала Вера.

— Знаю. Егор мне написал.

— Егор? Тебе?

— Мы с ним переписываемся. С прошлой недели. Он меня спрашивал, как зимнюю резину выбирать, у них «Приора» на летней. — Андрей затянулся. — Он написал: «Андрей Николаевич, Вера Павловна расстроилась. Вы ей скажите, что мы её любим. Даша сама не может. Пока».

Вера поставила кружку на ступеньку.

— Андрей. Я ведь правда хотела как лучше.

— Знаю.

— Я ведь видела, как мама бросила. Как я бросила. Как Славка. Я просто не хочу, чтобы она…

— Знаю, — сказал Андрей. — Вер, я тебе расскажу про Маринку.

Вера подняла голову. Марина, Андреева дочь, тридцать один год, банкир из Москвы, в июне приезжала к нему на месяц — учиться водить. Вера тогда водила по утрам на пруд её дочку Варю, пока Андрей гонял Марину по площадке. Марина ездила плохо, глохла, плакала, говорила: «Я не создана для этого». В конце июля уехала обратно в Москву, так и не сдав экзамен. Андрей тогда сказал: «Ничего. Не всем дано».

— Она сдала, — сказал Андрей.

— Что?

— Сдала. В Москве. На прошлой неделе. С первого раза. И площадку, и город. — Он стряхнул пепел. — Записалась там в автошколу сама, ещё в июле, мне не сказала. Взяла какого-то молодого инструктора, двадцать пять лет. Каталась с ним по вечерам. Сдала. А потом позвонила мне и знаешь что сказала?

— Что?

— «Пап. Я тебе не говорила, потому что ты бы начал. Ты бы стал звонить каждый день, спрашивать, как она там, этот инструктор, правильно ли он учит. Ты бы мне советовал по телефону, как трогаться на подъёме. А мне надо было — самой. Без тебя. Чтобы я знала, что могу без тебя». — Андрей помолчал. — Я сначала обиделся. Пятнадцать лет инструктором — а родная дочь к чужому пошла. А потом подумал… она права. Я бы начал. Обязательно начал бы. Я ж не могу иначе. Я ж всю жизнь — справа, с дублирующим тормозом.

Вера смотрела на реку.

— Ты к чему это?

— К тому, что дети иногда должны уйти к чужому инструктору, — сказал Андрей. — Чтобы потом вернуться и сказать: «Пап, я сама». А если ты их держишь — они не возвращаются. Они просто уезжают.

Лоцман подняла голову, посмотрела на Веру. Потом медленно встала, подошла и положила морду ей на колено. Первый раз. Вера замерла. Погладила собаку по рыжей голове, между ушами. Шерсть была жёсткая, тёплая, пахла сеном.

— Признала, — сказал Андрей. — Два месяца думала.

* * *

Вера написала Даше в тот же вечер. Длинное сообщение. Стёрла. Написала короче. Стёрла. В итоге отправила три строчки:

«Даша. Я удалила таблицу. Не ту, что на ноутбуке, — ту, что в голове. Вы решаете сами. Если понадоблюсь — я на связи. Всегда. Мама».

Ответа не было.

Не было ни на следующий день, ни через день. Вера проверяла телефон каждые полчаса. На работе. В машине на светофорах. Ночью. Сообщение висело с двумя серыми галочками: доставлено, не прочитано. Потом галочки посинели: прочитано. И всё.

Гольдин на совещании в четверг дважды переспросил у неё одну и ту же цифру. Вера дважды назвала неправильную.

— Вера Павловна, — сказал Гольдин после совещания, задержав её в кабинете. — Вы спите вообще?

— Сплю.

— Плохо спите, — сказал Гольдин. — Сядьте. — Он подождал, пока она сядет. — Дочь?

— Дочь.

— Поссорились?

— Я ей таблицу показала, — сказала Вера. — На восемь листов. Как ей жить.

Гольдин долго смотрел на неё. Потом вздохнул — глубоко, всем своим грузным телом.

— Моя мама, — сказал он, — когда я в девяносто четвёртом году сказал, что ухожу из медицинского и открываю частный кабинет, составила мне список. От руки. На двух тетрадных листах. «Почему Аркаша совершает ошибку». Двадцать семь пунктов. Я его до сих пор храню. Он у меня в сейфе, рядом с лицензией. — Он поправил часы. — Знаете, что там пункт первый? «Ты не умеешь считать деньги». А пункт двадцать седьмой — «Я тебя люблю, поэтому пишу это». И знаете, Вера Павловна, я тогда обиделся на первые двадцать шесть. А сейчас понимаю, что весь список был — двадцать седьмой пункт. Просто длинный.

* * *

Тридцатого августа Вере исполнилось сорок восемь.

Она не устраивала праздника. Мама позвонила в семь утра — первой, как всегда, — и сказала: «С днём рождения. Пироги в субботу, я испеку. Не спорь». Танька прислала голосовое на три минуты, где пела «Happy birthday» фальшиво и с подвыванием, а на заднем плане басом подпевал её Гоша. Олег прислал сообщение: «С днём рождения, Вер. Здоровья. Спасибо за Дашу». Галина Петровна — открытку, настоящую, бумажную, по почте, с правильно расставленными запятыми. Лариса из Череповца — фотографию торта, который она испекла «в честь сватьи»: трёхъярусный, с кремовыми розами, с надписью шоколадом: «Вера, 48! Бабушка — это звучит гордо!». И приписку: «Сама съем, ты далеко. Но знай».

Андрей приехал вечером, с букетом поздних флоксов из своего сада, с Лоцман на поводке и с коробкой, перевязанной верёвкой.

— Это что? — спросила Вера.

— Открой.

Внутри был набор карандашей. Не дешёвых, из канцелярского, — настоящих, в деревянном пенале, от 6H до 8B, двадцать четыре штуки. И альбом. Толстый, с плотной зернистой бумагой.

— Первого сентября у тебя курсы, — сказал Андрей. — Вторник и четверг. Колонна.

Вера смотрела на карандаши. Они лежали в пенале ровным рядом, от самого светлого до самого чёрного, как клавиши.

— Откуда ты знаешь про колонну?

— Мама твоя сказала. Ещё в июне. Говорит: «Она там в анкете своей написала, мне Галя по секрету передала, что колонну хочет нарисовать». — Андрей пожал плечами. — В вашей семье секретов не бывает. Только задержки.

Вера засмеялась. Впервые за неделю.

Телефон завибрировал на столе в половине десятого вечера. Вера посмотрела. Даша.

Не сообщение. Видео.

Вера открыла дрожащими пальцами.

На экране была Даша — в каком-то белом коридоре, в смешной шапочке-бахилах на голове, видимо, после кабинета. Рядом — Егор, огромный, с глупо-счастливым лицом. Даша держала в руках распечатку. Серую, зернистую.

— Мам, — сказала Даша в камеру. — С днём рождения. Мы сегодня на УЗИ сходили. Платно, сами — не утерпели, до скрининга ещё месяц. Тут всё хорошо, врач сказала — растёт как по учебнику. И… — Она переглянулась с Егором. — Мы спросили. Кто.

Она развернула распечатку к камере.

— Девочка, мам, — сказала Даша. — У тебя будет внучка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.